

Предтеча Толстого и Ганди

классная
классика

127

ПРОДОЛЖАЕМ знакомиться с творчеством троицы великих американских писателей и философов XIX века Ралфом Эмерсоном, Уолтом Уитменом и Генри Торо. Они оказали значительное влияние на мировоззрение, мораль, эстетику и художественную литературу всего мира.

Сегодня у нас слово берёт мыслитель, натуралист и писатель-романтик Генри Дэвид Торо (1817–1862). Он оставил после себя множество дневников и целый ряд литературно-философских и природоведческих эссе. Писатель сыграл большую роль в движении оппозиционно настроенной молодёжи Нового Света в XX веке. Генри Торо был для неё символом свободомыслия, целеустремлённости, твёрдости духа на пути к намеченному.

Его сочинение «О долге гражданского неповиновения» (1848) стало первоучением о ненасильственной революции, которое подвигло на политические воззвания, призывы таких мыслителей и борцов за гражданские права, как Л. Толстой, М. Ганди, М.-Л. Кинг...

Тем не менее, в течение почти целого века после смерти мыслитель находился чуть ли ни в полном забвении. Одним из первых значимость писателя-философа оценил Л. Н. Толстой и способствовал изданию «Уолдена» и других сочинений писателя на русском языке.

Натуралист и художник в одном лице, Генри Торо относился к живой природе, с одной стороны, с благоговением, с другой – практицизмом учёного. Ну а как художник не мог Торо не романтизировать суший мир вокруг себя. Сегодня мы признаём дар предвидения писателя и философа, за век

предсказавшего одну из новых наук человечества – экологию, которая со временем превратилась в общественно-политическое движение мирового масштаба.

В 1845–1847 годах Генри Торо задумал и осуществил эксперимент совершенного одиночества, прожив два с лишним года на берегу Уолденского озера в самостоятельно построенной хижине. Об этом он написал свою знаменитую и уже упомянутую здесь книгу «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

Предлагаем из неё выборку интересных размышлений, афоризмов, советов...

Генри Торо

Одиночество, свобода, обновление...

КОГДА я писал эти страницы – вернее, большую их часть, – я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил на берегу Уолденского пруда в Конкорде, в штате Массачусете, и добывал пропитание исключительно трудом своих рук. Так я прожил два года и два месяца. Сейчас я снова временный житель цивилизационного мира.

* * *

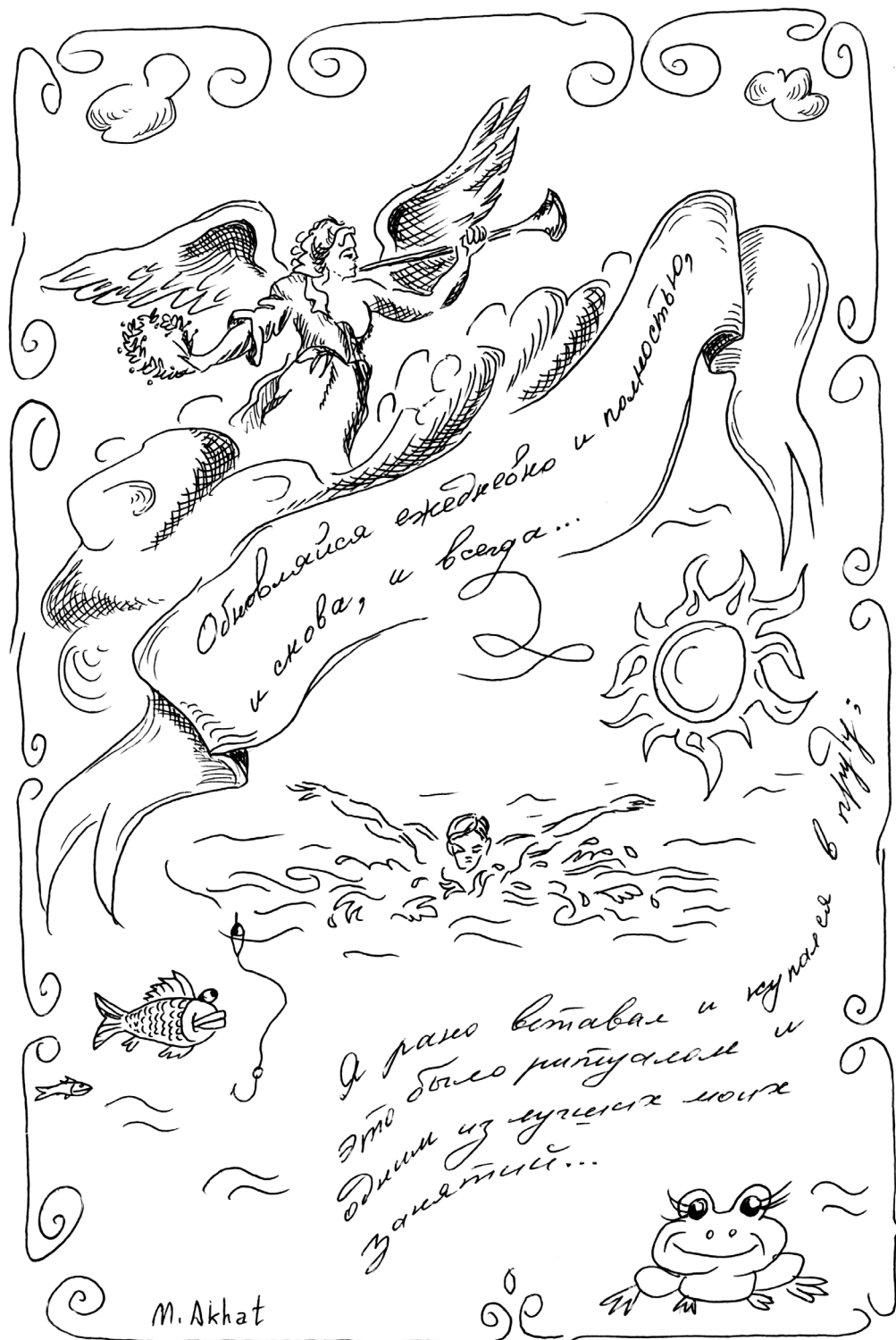
Я считаю, что мы могли бы гораздо больше доверять жизни, чем мы это делаем. Мы могли бы сократить заботы о себе, хотя бы настолько, насколько мы их уделяем другим. Природа приспособлена к нашей слабости не менее, чем к нашей силе.

* * *

Большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но даже мешают прогрессу человечества.

* * *

Пусть каждый помнит, что назначение одежды состоит, во-первых, в том, чтобы сохранять жизненное тепло, а, во-вторых, при нынешних нравах, в том, чтобы прикрывать наготу.

* * *

Королям и королевам, которые только по разу надевают свои туалеты, неведомо удовольствие носить ладно сидящую одежду. Они не более чем деревянные плечики. Наша одежда с каждым днём всё более к нам прилаживается; она получает отпечаток нрава своего владельца, и мы неохотно расстаёмся с ней, почти как с нашим собственным телом, оттягивая этот срок с помощью починок... Ни один человек не терял в моих глазах из-за заплатки на одежде; а между тем люди больше хлопочут о модном или хотя бы чистом и не заплатавшем платье, чем о чистой совести. [...] Интересно, насколько люди сохранили бы своё общественное положение, если бы снять с них одежду.

* * *

130

Я советую вам остерегаться всех дел, требующих нового платья, а не нового человека. Если сам человек не обновился, как может новое платье обновить его?

* * *

Не будем забывать, что египетская пшеница была сохранена для нас мумией.

* * *

Каждый ребёнок заново открывает мир, вот почему он любит бывать вне дома, даже в дожди и холод.

Нам следовало бы проводить побольше дней и ночей так, чтобы ничто не заслоняло от нас звёзды, и поэту не всегда слагать свои поэмы под крышей, и святому не укрываться постоянно. Птицы не поют в пещерах...

* * *

Я часто размышлял над тем, как мне честно заработать на жизнь и при этом не лишиться себя свободы для своего истинного призвания.

* * *

Я свожу почти всю выгоду от приобретённой впрок собственности к тому, что таким образом получаю возможность отложить деньги на похороны. Но, может быть, человек не должен сам себя хоронить?

* * *

Сейчас наши дома сплошь заставлены и засорены всякой всячиной; хорошая хозяйка живо вымела бы большую её часть в мусорную яму, и это было бы полезной утренней работой.

* * *

Увы! Люди стали орудием своих орудий.

* * *

В том, что человек сам строит своё жилище, есть глубокий смысл. Как знать, если бы люди строили себе дома своими руками и честно, и просто добывали пищу себе и детям, поэтический дар стал бы всеобщим: ведь поют же птицы за этим занятием... Неужели мы навсегда уступили плотникам радость строительства?

* * *

До чего же дойдёт это разделение труда? И какова, в сущности, его цель? Возможно, кто-нибудь другой смог бы даже и думать за меня, но вовсе не желательно, чтобы он это делал настолько, что я отвыкну думать сам.

* * *

Самое удивительное в пирамидах – это то, что столько людей могло так унизиться, чтобы потратить свою жизнь на постройку гробницы для какого-то честолюбивого дурака.

* * *

Я рано вставал и купался в пруду; это было ритуалом и одним из лучших моих занятий. Говорят, что на ванне Цзынь Тана была высечена надпись: «Обновляйся ежедневно и полностью, и снова, и всегда». Мне это понятно.

* * *

Утро – самая важная часть дня, это – час пробуждения... Немногого следует ждать от того дня, когда нас пробуждает от сна не наш добрый дух, когда мы просыпаемся не от прилива новых сил, не по внутреннему убеждению, не под звуки небесной музыки и веяние дивных ароматов, а по фабричному гудку.

* * *

Судите о своём здоровье по тому, как вы радуетесь утру и весне.

* * *

Когда я бодрствую и во мне брезжит свет – тогда и утро. Нравственное совершенствование – это попытка стряхнуть сон.

* * *

Надо научиться просыпаться и бодрствовать; для этого нужны не искусственные средства, а постоянное ожидание рассвета, которое не должно покидать нас в самом глубоком сне. Больше всего надежд в меня вселяет несомненная способность человека возвыситься благодаря сознательному усилию. Хорошо, когда он способен написать картину или изваять статую, то есть создать несколько прекрасных вещей, но куда благороднее задача быть, в моральном отношении, ваятелем и художником всей окружающей нас среды. Сделать прекраснее наш день – вот высшее из искусств! Долг каждого человека – сделать свою жизнь во всём, вплоть до мелочей, достойной тех стремлений, какие пробуждаются в нём в лучшие её часы.

* * *

Честному человеку едва ли есть надобность считать далее чем на своих десяти пальцах, в крайнем случае можно прибавить ещё пальцы на ногах, а дальше нечего считать. Простота, простота, простота!

* * *

Упрощай же, упрощайте. Вместо трёх раз в день, если нужно, питайтесь только один раз, вместо ста различных блюд довольствуйтесь пятью и соответственно сократите всё остальное.

* * *

Если вы ознакомились с принципом, к чему вам миллионы частных случаев?

* * *

Моё уединение больше любого университета благоприятствовало не только размышлениям, но и серьёзному чтению.

* * *

Хорошее чтение, то есть чтение подлинно хороших книг – благородное дело, требующее от человека больших усилий, чем любое из принятых ныне занятий... Книги надо читать так же сосредоточенно и неторопливо, как они писались.

* * *

Книги – это сокровищница мира, наследственное достояние поколений и наций. Их авторы составляют естественную и бесспорную аристократию каждого общества и властвуют над человечеством больше, чем короли и императоры.

* * *

Большинство людей научается читать лишь для удобства в жизни. Но о чтении как благородном духовном упражнении они почти не имеют понятия, а между тем только это и есть чтение в высоком смысле слова.

* * *

Мы больше тратим на пищу и на лекарства для нашего тела, чем на пищу духовную.

* * *

Новая Англия может пригласить себе в наставники мудрецов со всего света и взять их на общественное иждивение... Вот какая необычная школа нам нужна. Если нужно, пусть будет одним мостом через реку меньше и кое-где придётся идти в обход, лишь бы перебросить хоть один пролёт моста через окружающий нас омут невежества, куда более глубокий.

* * *

Иногда летом, после обычного купанья, я с восхода до полудня просиживал у своего залитого солнцем порога, среди сосен, орешника и сумаха, в блаженной задумчивости, в ничем не нарушаемом одиночестве и тишине... [...] В такие часы я рос, как растёт по ночам кукуруза, и они были полезнее любой физической работы. Я понял, что разумеют на Востоке под созерцанием, ради которой оставляют работу... Я не пел, как поют птицы, я молча улыбался своему неизменному счастью.

* * *

Следуй влечению своего доброго гения, и он ежечасно будет открывать тебе что-нибудь новое.

* * *

Признаюсь, что, узнав характер человека, я уже не надеюсь изменить его к лучшему или худшему до самой его смерти. Как говорят на Востоке: «Сколько ни парь, ни утужь, ни подвязывай собачий хвост, он через десять лет будет всё так же торчать закорючкой».

* * *

...Берег озера оглашается кваканьем лягушек. Это души давних пьяниц и гуляк, доныне нераскаянные, пытаются спеть песню в своих стигийских водах.

* * *

Никогда ещё я не чувствовал себя одиноким, никогда не был подавлен чувством одиночества, и только однажды, через неделю-другую после моего переселения в лес, я на какой-нибудь час усомнился в том, возможна ли безмятежная и здоровая жизнь без тесного общения с людьми. Мне было неприятно оказаться одному. Но я чувствовал, что это было болезненное состояние, и уже предвидел, что оно пройдёт. Среди этих мыслей, под шум тихого дождя, я внезапно ощутил – в падении дождевых капель, в каждом звуке и каждом предмете вокруг дома – нечто бесконечно дружественное, и это меня поддержало; воображаемые преимущества человеческого общества показались мне незначительными, и с тех пор я больше о них не думал. Каждая сосновая игла наливалась симпатией и предлагала мне свою дружбу.

* * *

Отчего бы мне чувствовать себя одиноким? Разве наша планета не находится на Млечном Пути?

* * *

Я выяснил, что иногда, сколько ни шагай, это не помогает сближению двух душ.

* * *

Я нахожу полезным проводить большую часть времени в одиночестве. Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьёзных дум. Я люблю оставаться один. Я никогда не встречал партнёра столь общительного, как одиночество. Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат. Когда человек думает или работает, он всегда наедине с собой, где бы он ни находился. Одиночество не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних. Истинно прилежный студент так же одинок в шумном улье Кембридж-колледжа, как дервиш в пустыне.

* * *

Пока человек жив, опасность умереть имеется всегда, но она тем меньше, чем более полной жизнью он живёт. Сидящие рискуют не меньше бегущих.

* * *

Я ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей или, как её называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и что оба эти стремления.

* * *

Живя на пруду, я иногда добывал рыбу, чтобы разнообразить свой стол. Доводы гуманности казались искусственными. Я говорю сейчас только о рыбной ловле, потому что об охоте давно уже имею другое мнение и продал ружьё раньше, чем поселился в лесу.

* * *

Можно только пожалеть мальчика, которому ни разу не пришлось выстрелить; он не стал от этого человечнее; это просто важный пробел в его образовании. Так я отвечал, когда видел, что у юноши есть склонность к охоте, надеясь, что она с возрастом пройдёт сама собою. Ни один гуманный человек, вышедший из бездумного мальчишеского возраста, не станет напрасно убивать живое существо, которому дарована та же жизнь, что и ему самому. Затравленный заяц кричит, как ребёнок.

* * *

Юноша идёт в лес сперва как охотник и рыболов, а уж потом, если он носит в себе семена высокой жизни, он находит своё призвание поэта или естествоиспытателя и расстаётся с ружьём и удочкой.

* * *

Мне кажется, что всякий, кто старается сохранить в себе духовные силы или поэтическое чувство, склонен воздерживаться от животной пищи и вообще есть поменьше.

* * *

Разве это к чести человека, что он – хищное животное? [...] Я не сомневаюсь, что человечеству суждено, при его дальнейшем совершенствовании, отказаться от животной пищи, как дикие племена отказались от людоедства.

* * *

Кто различает вкус своей пищи, не может быть обжорой, а кто не различает, того не назовёшь иначе. Пуританин может съесть корку чёрного хлеба с тем же блаженством, что олдермен – свой черепаховый суп. Если охотник любит черепах и иные дикие лакомства, то знатная леди любит заливное из телячьих ножек или заморские сардины – одно другого стоит. Он ходит за ними на пруд, она – в кладовую. Удивительно, как они могут – и как мы с вами можем – жить этой мерзкой, животной жизнью, чтобы только есть и пить.

* * *

Мы ощущаем в себе животное, которое тем сильнее, чем крепче спит наша духовная природа.

Дух способен побеждать и подчинять себе все органы и все функции тела и претворить самую грубую чувственность в чистое чувство любви и преданности. Половая энергия оскверняет и расслабляет нас, когда мы ведём распутную жизнь, но при воздержании является источником силы и вдохновения. Целомудрие есть высшее цветение человека...

* * *

Блажен человек, уверенный, что в нём изо дня в день слабеет животное начало и воцаряется божественное.

* * *

Каждый из нас является строителем храма, имя которому – тело, и каждый по-своему служит в нём своему богу...

* * *

Все мы – скульпторы и художники, а материалом нам служит собственное тело, кровь и кости.

* * *

Говорят, что Мирабо попробовал заняться разбоем на большой дороге, «желая испытать, какая степень решимости требуется для открытого неповиновения самым священным законам общества». Он заявил, что «солдату в бою не требуется и половины того мужества, какая нужна грабителю».

* * *

Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это оттого, что ему слышны звуки иного марша.

* * *

Как ни жалка твоя жизнь, гляди ей в лицо и живи ею; не отстраняйся от неё и не проклинай её. Заходящее солнце в окнах богадельни так же ярко, как и в окнах богатого дома, и снег у её дверей тает весною в то же время.

* * *

Никто ещё никогда не проигрывал на душевной щедрости. На лишние деньги можно купить только лишнее. А из того, что необходимо душе, за деньги не покупается.

* * *

Восходит лишь та заря, к которой пробудились мы сами.

